

ПОСЛАНЦЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ ВЕНЫ

ВЕНСКИЙ государственный театр оперетты начал свои московские гастроли «Гала-концертом». Это была его визитная карточка, его увертюра к гастролем. Программа состояла из произведений Й. Штрауса, К. Миллёкера, Ф. Зуппе, Ф. Легара, И. Кальмана, К. Целлера: все они — представители венской школы, все мастера мелодически богатых партитур. Их музыку так вдохновенно доносил оркестр, послушный тонкому и театральному дирижеру Р. Библю. В концерте принимали участие все ведущие солисты, хор, а балет показал изобретательные фрагменты из «Летучей мыши» (хореограф Г. Зенфт).

«Гала-концерт» носил скорее академический характер. Ни одного шлагера, ни одного каскадного номера. Арии, дуэты, трио, ансамбли, очевидно, были призваны показать, каков стиль вокала венского театра, какова его музыкальная культура. Трудно выделить кого-либо из исполнителей. Их тепло принимали, часть номеров бисовалась.

И все-таки настоящее знакомство состоялось на спектакле «Летучая мышь», где краски опереточного искусства — вокал, слово, танец — живут в единстве, являя собой образец подлинно синтетического театра. Уже с первых тактов увертюры, преподнесенной с таким изяществом и мастерством, зритель был вовлечен в магическую стихию вальса. Авторы спектакля — дирижер Г. Нойхольд, режиссер К. Дёх открыли ряд купюр, музыкальный разворот спектакля стал более широким, более распевающим. Одобрения не может не вызывать и предложенный вариант пьесы, где убраны текстостые длинноты, нехитрые опереточные каламбуры и большая сцена, в которой пьяный тюремный дежурный старается забавлять зрителей.

Артисты П. Миних (Айзенштейн), М. Ирош (Розалинда), К. Дёх (директор тюрьмы), К. Шрайбмайер (учитель пения), И. Сеп (Адель), О. Кольманн

(судебный служитель) представили подлинными мастерами оперетты, к тому же обладающими отличным вкусом. Но из этого ансамбля хочется выделить К. Дёха и И. Сеп.

Штраус подарил миру танцевальные оперетты, и лучшая из них — «Летучая мышь». В спектакле нет специальных танцев, танцевальных рефренов (исключения — остроумно поставленные полька-галоп и вальс, отлично исполняемые балетом). Но сам спектакль кажется танцевальным потому, что легки и динамичны его мизансцены, подвижен хор, и вся атмосфера пропитана ритмами вальса.

В «Веселой вдове» на высоком уровне актерское мастерство и выверенность режиссерского рисунка (режиссер Р. Херцль, дирижер Р. Библь). Исполнители З. Мартикке (Ганна Главари), А. Даллапоцца (граф Данило) и Р. Вассерлоф (Негус) владеют секретами жанра, хорошо чувствуют музыкальную драматургию, режиссерский замысел, знают цену мягкому юмору. Здесь более рельефно, смелее вычерчены танцевально-пластические портреты. Только смелость эта неоткрытая, как бы затаенная, сдерживаемая до поры до времени. И вот в третьем акте, в импровизированном ресторане «Максим», на сцену врывается каскадный танец канкан, который в виде шутки устраивает Ганна Главари. Озорная, экспрессивная, пластическая импровизация, бурная, зажигательная пляска оттесняют на второй план героев пьесы.

Советские зрители привыкли к несколько иной трактовке пьесы «Веселая вдова». Но у венцев свой замысел, и они последовательны в его воплощении. Пожалуй, с оформлением спектакля согласиться трудно. Элегантные, строгие в стиле эпохи костюмы не вписываются в нарочито роскошные, по-опереточному броские декорации. Утяжеляет их и панорама Парижа, отдающая олеографией.

В спектакле «Киягиня Чардаш» («Сильва») мы снова сталкиваемся с прекрасным вокально-сценическим мастерст-

вом М. Рудифериа (Сильва Вареку), Э. Калес (Стасси), Ф. Вехтера (Эдвин), Д. Поппеля (Бони), Ш. Немета (Ференц). Они увлеченно поют, с чисто опереточным шиком танцуют на фоне роскошных интерьеров (художник П. Дессилас). В сценической партитуре немало и затянутых эпизодов, где развлекаются завсегдатаи кулис, где собирается великосветское общество; показан и театральный будуар Сильвы, где она принимает близких друзей; уголок ресторана с камерным оркестром. Эта нарочито-театральная пестрота отодвинула на второй план лирико-драматическую тему произведения, которую с таким чувством, так задушевно выписал Кальман. Игнорировано постановщиками и венгерское начало музыки: коронный номер Сильвы (прощальное выступление) ни по манере исполнения, ни по стоимости ее и антуражу не согласуется с венгерской мелодикой и чардашными ритмами оркестрового аккомпанемента.

На советской сцене бытует иной текст пьесы «Сильва» и по-иному раскрывается история девушки из «Козьего болота», откуда она приносит на эстрадные подмостки красоту песен и танцев своего народа. У венского театра свой вариант пьесы и свое решение. Но как хочется, чтобы в лучшей оперетте Кальмана театр использовал художественный метод и выверенные приемы, плодотворность которых ярко раскрылась в спектакле «Летучая мышь».

У любого театра есть свои проблемы, и не о них сейчас речь. Главное в том, что московские зрители встретились с театром высокой музыкальной культуры, высокого профессионализма, актерского и режиссерского мастерства, с театром, имеющим свой национальный стиль. И большой успех его был заслуженным. Что ж, венские артисты вправе сказать, что они пели в Москве не только под оркестр, но и под бурные аплодисменты доброжелательного зрительного зала.

Николай ЭЛЬЯШ.